

Ань Сюань немного помолчал, затем нахмурился и спросил:

— Дядюшка Фан, вы говорите, что в городе кто-то намеренно вредит вам?

Дядюшка Фан кивнул:

— Да, хотя это не слишком очевидно, но я уверен.

Ань Сюань спросил:

— Кто же это может быть?

Дядюшка Фан фыркнул:

— Кто ещё? Тот, кто поступает нечестно, боится, что о нём заговорят. Если боится, пусть не делает подлых вещей! Он думает, что всё скрыл, но шила в мешке не утаишь. Его грязные дела стали известны всему городу, и теперь он, как загнанная собака, кусается. Не то чтобы я хотел говорить, но он сам считает, что его лицо ещё чего-то стоит, хотя давно потерял всякий стыд и думает, что все хотят с ним общаться.

Дядюшка Фан не назвал имени, но Ань Сюань всё же уловил намёк и взглянул на Ань Жубао. Он спросил:

— Что именно стало известно? И почему это стало поводом для насмешек всего города?

Говоря об этом, дядюшка Фан, казалось, был в хорошем настроении и с улыбкой ответил:

— Что ещё? Это его попытка устроить брак для его гера. Ведь его гер был помолвлен со вторым сыном клана Ван, не так ли? Он думал, что взобрался на высокую ветку, но чем выше ветка, тем больше падать. Прошло всего несколько дней, а второй сын Ван уже взял двух наложников в свои покои. Это был сильный удар для него. Потом стало известно, что он разорвал помолвку с нашей семьей, и между двумя семьями начался серьёзный конфликт. К тому же его гер сам сказал, что обе семьи опозорились, и их осуждали все.

Теперь даже Ань Жубао догадался, о ком идёт речь. На самом деле, с тех пор как он попал сюда, он ни разу не видел того гера из клана Дин. Говорили, что они были близки, но что прошло, то прошло. Теперь у него был Сун Чу, и он больше не думал о других. Видя, как Ань Сюань и Цинь Фэн украдкой смотрят на него, он улыбнулся и сказал:

— Папа, мама, вы забыли? Теперь у меня есть супруг, его зовут Сун Чу. Другие геры мне не интересны.

Хотя Ань Жубао говорил это легко, Ань Сюань и Цинь Фэн всё ещё не могли поверить, что он так просто забыл. В конце концов, они с тем гером из клана Дин когда-то были близки. Но, видя, что их сын выглядит совершенно естественно, они не были уверены. Дядюшка Фан, услышав, что у Ань Жубао есть супруг, вскочил и воскликнул:

— Когда это случилось? Почему я не знал?

Он даже перестал называть себя «старым слугой» и с упрёком посмотрел на Ань Сюань:

— Молодой господин, почему вы не сообщили мне? Вы знаете, как я люблю молодого господина. Ох, как же так, я даже не видел молодого супруга! Какой он? Красивый? Хотя, что я говорю, супруг нашего молодого господина не может быть плохим. Это... это...

Он продолжал бормотать.

Ань Сюань, зная, что он просто рад, не прерывал его, а когда он закончил, с улыбкой сказал:

— Он у нас дома, никуда не денется. Завтра вы его увидите. Но сначала я предупреждаю: когда увидите Сун Чу, не устраивайте таких сцен, как сегодня, чтобы не напугать его.

Дядюшка Фан поспешно кивнул, его лицо всё ещё сияло от радости.

Чуть позже, когда стало поздно, Ань Сюань устроил дядюшку Фана и его семью в западном крыле, решив всё обсудить на следующий день.

Западное крыло раньше занимали Сун Чу и Сун И, поэтому все необходимые вещи были на месте, и комната была достаточно большой. Однако, так как семья не была готова к приёму гостей, все пятеро должны были разместиться в одной комнате. Ань Жубао с фонарём в руке проводил их в комнату.

Поскольку в комнате не было огня, было довольно холодно. Ань Жубао зажжёт свечу, передал фонарь Фан Цзяньчэну и попросил его принести дров из сарая, чтобы нагреть кан. Затем он нашёл в шкафу одеяла и предложил им постелить.

Пока они устраивались, ребёнок на руках у Чжао Юя заплакал, звук был слабым, как у котёнка. Чжао Юй поспешно развернул пелёнки и сказал:

— Ребёнок голоден.

Он достал из багажа коробку с едой.

Услышав, что ребёнок голоден, Ань Жубао почувствовал неловкость. Хотя он принял тот факт, что в этом мире нет женщин, одно дело — слышать об этом, другое — видеть. Он уже собирался уйти, но увидел, как Чжао Юй достал из коробки фарфоровую чашку с крышкой и открыл её. Внутри, судя по всему, был рисовый отвар.

Чжао Юй взял ложку и уже собирался накормить ребёнка, но Ань Жубао остановил его, потрогав чашку:

— Братец, этот отвар холодный. На улице мороз, ребёнок может заболеть.

Чжао Юй смутился и тихо сказал:

— Ничего страшного, ребёнок крепкий, мы так его кормили всю дорогу.

Путь из Юйсина в деревню Циншань занимал несколько часов на конной повозке, и в дороге невозможно было развести огонь, поэтому они заранее приготовили рисовый отвар, положили его в коробку и держали в багаже. Когда ребёнок был голоден, они кормили его.

Ань Жубао сказал:

— В дороге — это одно, но теперь мы дома, нельзя так поступать. Это моя ошибка. Давай так: ты передай ребёнка дядюшке Фану, а я проведу тебя на кухню, чтобы вскипятить воды. Вы все сможете согреться, а если голодны, можно разогреть немного еды.

Чжао Юй был тронут. Как родитель, он не хотел, чтобы ребёнок страдал, но сам не мог решить. Он посмотрел на дядюшку Фана, который тоже переживал за внука, и тот сказал:

— Хорошо, делай, как говорит молодой господин. Передай ребёнка мне.

На слегка усталом лице Чжао Юя появилась улыбка, он передал ребёнка дядюшке Фану и последовал за Ань Жубао на кухню.

Когда, наконец, семья дядюшки Фана устроилась, Ань Жубао вернулся в западную комнату. Сун Чу ещё не спал и, увидев его, сразу сел и спросил:

— Кто пришёл? Почему ты так долго?

Ань Жубао рассказал ему о дядюшке Фане.

Сун Чу, никогда не видевший большого мира, только удивился, услышав о том, что у кого-то есть множество слуг, но больше ничего не понял. Для него дядюшка Фан был просто человеком из прошлой жизни Ань Жубао, и он с улыбкой сказал:

— Теперь в доме будет ещё больше людей, будет веселее, правда?

Ань Жубао ущипнул его за нос и сказал:

— Да, радуешься?

Сун Чу кивнул с улыбкой. Ань Жубао погладил его по голове, вышел умыться, вернулся, погасил свет, снял верхнюю одежду и лёг на кан, обняв Сун Чу и поцеловав его перед сном.

На следующее утро Цинь Фэн зашёл на кухню, где Хань Ши и Чжао Юй уже готовили завтрак, а Фан Цзяньчэн рубил дрова в сарае. Дядюшка Фан, держа на руках ребёнка, вышел из западного крыла и сказал:

— Пусть они работают.

Семья не могла оставаться в стороне, и каждый занялся своими делами.

После умывания дядюшка Фан взял на руки Ань Жуюй, который сладко называл его «дядюшка Фан», что вызывало у старика смех. Затем он и его семья познакомились с Сун Чу и Сун И. Дядюшка Фан остался доволен Сун Чу, считая его искренним и симпатичным. По совету Ань Сюаня, он не стал устраивать церемоний, как накануне, а просто представил свою семью. Сун Чу было неловко от таких обращений, как «молодой супруг», и Ань Сюань с Цинь Фэном сказали, что теперь, живя в деревне, они не должны так называть друг друга. В конце концов, дядюшка Фан и Хань Ши согласились называть Ань Сюаня «А Сюань», Цинь Фэна — «А Фэн», а детей — Жубао, Сяо Чу, Сяо И и Сяо Юй. Они хотели называть Ань Жубао «Сяо Бао», но он категорически отказался. Фан Цзяньчэн и Чжао Юй стали называть Ань Сюаня и Цинь Фэна «брат» и «братец», а для окружающих представились как дальние родственники, приехавшие в деревню.

После завтрака началась уборка. Двор был большим, и шестерым справиться было сложно, но с помощью семьи дядюшки Фана всё было закончено до полудня. Вторая комната в западном крыле также была убрана, и Цинь Фэн дал дядюшке Фану два комплекта постельного белья.

После уборки Ань Жубао достал заранее купленные изображения духов-хранителей и талисманы из персикового дерева. Талисманы повесили на ворота, а изображения духов — на все двери в доме. Здесь ещё не было традиции вешать новогодние парные надписи, и Ань Жубао долго размышлял, стоит ли последовать примеру других и написать их самому, но в

конце концов сдался из-за своего ужасного почерка.

<http://bllate.org/book/16457/1493105>